

Люди искусства

ЧИСТОТА СЕРДЦА

МАЛЬЧОНКА с покалеченными ногами, зарывшись в лохмотья, сидел в углу. Давно уже спокойные его глаза были как будто отчуждены от мира. Мир существовал отдельно от него, где-то там, наверху, откуда часто, пьяная, спускалась мать. Его остроносое личико морщилось, выдавая затаенную боль, и в те минуты был он не по-детски сосредоточен. Но стоило заговорить с ним о его сокровище — о коробке с жуками, пауками, мухами, — как бледное лицо загоралось румянцем, глаза ласково оживлялись. «Зверильница», — протяжно говорил он, восхищенно наблюдая за жуками. Так говорят о волшебстве.

Хрупкий, бестелесный, по-сыновьи влюбленный в мать, полный презрения к злу, какое есть «наверху», — таким был герой рассказа Горького «Страсти-мордасти» Ленка в исполнении актрисы театра имени Ф. Г. Волкова Татьяны Поздняковой. Этого ее героя довелось увидеть на одном из горьковских вечеров, где волковцы выступали с инсценировками рассказов писателя.

Услышав от Алексея о полях и лугах, покрытых весенними цветами, Ленка закрывал глаза в немыслимом блаженстве — неужто существует такой рай на земле? — а когда открывал их, опять видел свой подвал. «Мамка, — просил он звонким голосом, — ты бы вот нашла тележку да свезла меня в чистое поле!..» И эти слова Ленки о чистом поле, слова, к которым давно привыкло человеческое ухо, казались новыми и первооткрытыми. Герой Т. Поздняковой словно пробоval слово на ощупь — «чистое поле», и это поле вставало в его сознании поперек того мира, в котором он постоянно существовал.

Актриса рассказывала о чистоте сердца этого мальчишки, о незагубленности души, о познании его мира. И вспоминались строки Андрея Платонова о том, что Горький находил «людей будущего» в народе, зачумленном горем и нуждой, обессиленном каторжной работой и все же хранящем в себе тайну своего терпения и существования, и свет того воодушевления, который Пушкин превратил некогда в «угль, пылающий огнем». Вот этот до поры тихий, словно бы незаметный огонек души, свет воодушевления согревал героя Т. Поздняковой.

Было нечто общее, что роднило горьковского Ленку и Илюшу Снегирева из спектакля «Брат Алеша» (инсценировка одной из частей романа Достоевского «Братья Карамазовы»). Еще пронзительнее и отчаяннее был крик потрясенного сердца Илюшечки, чистой души, которая не смогла вытерпеть оскорблений и унижений. Но не о чистоте человеческого усилия в жестоком и беспощадном мире героев Достоевского был рассказ актрисы, а о способности к сопротивлению этим условиям, попытке защитить достоинство человека.

В спектакле «Васса Железнова» Т. Позднякова сыграла роль Людмилы. Эта тонколикая девочка, неудавшаяся дочь Вассы, была слабоумной. Она видела весь мир как бы перевернутым с ног на голову — все уродливое в людях казалось ей прекрасным, она лишена была возможности видеть безобразное. Мрачные и тягостные песни были для нее прозрачно-поэтичным, а «малень-

кий кавардак», устроенный Прохором, — не жутким зрелищем, а прекрасной семейной вечеринкой. С тайным восторгом Людмила Т. Поздняковой чувствовала юность, счастье, красоту там, где их не могло быть. И оттого резче, еще острее становилось рожденное спектаклем жуткое чувство пропасти, бездны между действительностью, в которой существуют звери-хищники типа Вассы, и между ложным, перевернутым миром Людмилы.

Так по-разному понимает актриса «свет воодушевлен и я», который рождает ее сценических персонажей и долго потом живет в сознании зрителей.

Истинными ее героями могли бы стать детимудрецы Андрея Платонова. Все, кто видел платоновскую девочку

Улю из одноименного рассказа, чувствовали в своем сердце «совестливую боль». «Если она смотрела на доброе, то глаза ее сияли прозрачным светом, а если она смотрела на то, что скрывало в себе зло, то глаза ее темнели и становились непроглядными». Заставить зрителей ощутить в своем сердце «совестливую боль» — качество у актера не частое. Т. Поздняковой оно не только доступно — без этого свойства немыслимы ее герои. Вот почему зрительный зал всегда с нетерпением ждет ее появления.

«Маленькая студентка» Алина Силикашвили в спектакле «Лошадь Пржевальского», быть может, острее всех, мучительнее переживает распад студенческой коммуны, приехавшей в степь строить школу. Характер Алины не только нежный, хрупкий, легко ранимый, но и самостоятельный. Самолюбие ее обращается не к личным горестям, душевная сила направлена на новое строительство коммуны, и в этом — вся Алина.

Герои Татьяны Поздняковой, кажется, не свершают обычных, поражающих воображение, подвигов. Однако они делают не меньшее. Всякий раз они заставляют нас переживать ослепительное чувство нравственного возрождения, очищения.

Спектакль «Дурочка» не сходит с афиши вот уже десять лет. Зрители ждут появления Финей. Т. Позднякова играет так, как будто премьера состоялась по крайней мере два дня назад! Она заражает всех — и на сцене, и в зрительном зале — атмосферой стихийной веселости, тонкого изящества и остроумия. Она распаивает сердце своей героини настежь. Любящийся золотистый смех Финей, счастливейший смех дитяти, играющего с куклой, неестественны в мире сказочной самоуспокоенности и лжи, купли-продажи. Скатываясь со ступенек в легком прозрачном одеянии, героиня Т. Поздняковой приносит на сцену незараженность мирской суетой и фальшью. Мир взрослых для нее непостижим, потому что жалок, труслив и лицемерен. Она двигается и улыбается в этом мире так, как учат ее: как полумеханизм, полукукла. Но когда в замкнутой раме этого мира возникает некто «непохожий», Финей исполнена трепетного, почти воздушного преклонения перед вспыхнувшим чувством любви. Любовь дает ей и силы, и надежды, и одухотворенность. Вихрь финального испанского танца, увлекающий и захватывающий Финею, — само торжество жизни...

...Чистота целей в искусстве. С какой бы аудиторией ни встречалась Татьяна Позднякова — будь это зрители Волковского театра, рабочая аудитория, школьники или студенты — всякий раз она заставляет размышлять о необходимости нравственного идеала. И мы с радостью входим в мир ее добрых, доверчивых и очень человеческих героев.

М. ВАЯШОВА.

Фото Ю. Барышева.